

Священная ненависть / Sacred Hate (рассказ)

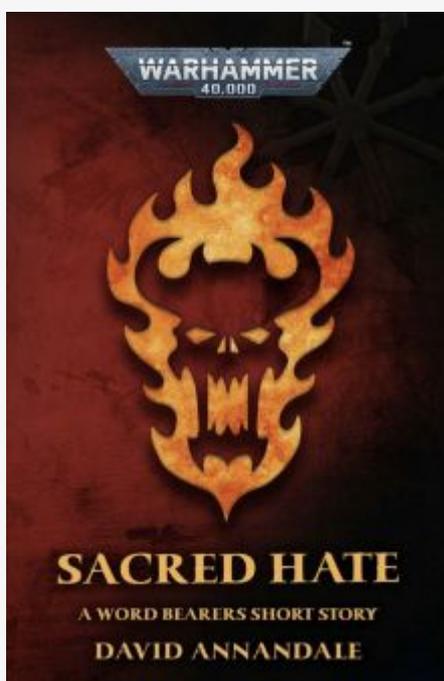
Перевод коллектива "[Warhammer: Чёрная Библиотека](#)"

Этот перевод был выполнен коллективом переводчиков "Warhammer: Чёрная Библиотека". Их канал в Telegram находится [здесь](#).

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Священная ненависть / Sacred Hate
(рассказ)

Переводчик	Юр Саныч
Издательство	Black Library
Год издания	2022
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI

Поддержать проект

Песнопения изводили Цераста.

Он стоял вместе с остальными проповедниками-послушниками в большой часовне «Священной

ненависти» и распевал гимн лишь потому, что так было нужно. Слова терзали его душу, а строфы, которым должно было вернуть ему веру, вместо этого лишь еще больше раскололи ее хрупкую оболочку.

«О, Отец, человечества, направь свой взор на меня.

Даруй мне ярость твою,

Сделай меня твоим копьем.

Преобрази меня,

И преобрази голос мой.

Услышавшие слова мои да падут на колени в благоговейном страхе,

И сделай силой меня, миры преображающей».

Часовня располагалась на носу корабля. Тысячи проповедников занимали церковные скамьи, а вместе с ними десятки тысяч солдат легитурского полка – Праведных Клинков. В поле зрения «Священной ненависти» попало множество планет, которые требовалось крепче заковать в святые цепи Имперского кредо. С этой целью проповедники, вооруженные факелом веры, ступали на поверхность этих заблудших миров. Миссионеров сопровождали бойцы Астра Милитарум, предавая огню то, что необходимо сжечь.

Путешествие с Легитурой уже длилось достаточно долго для того, чтобы рутина и скука овладели клириком. Цераст находил в этом некоторое облегчение. Лихорадочные богослужения, ознаменовавшие начало паломничества, закончились, и у него появилось больше времени для себя. Большую его часть он проводил либо в своей келье, либо в библиотеке. С помощью молитвы, медитации и изысканий он пытался вернуть смысл и цель своей жизни, а также силу веры, которая когда-то была присуща ему. Его последний год на Легитуре, последний год его обучения в Коллегии Санктификатус, лишил его всего этого. Год, что должен был завершить обучение и подготовить к вступлению на свою первую должность в Экклезиархии, сделал его непригодным для служения.

Цераст не мог никому рассказать о своих муках. Он трижды в день посещал службы в часовне с машинальной регулярностью. Сама мысль пропустить богослужение была недопустима. Но церемонии казались такими же пустыми, как и он сам. И эта пустота пугала Цераста. Он не мог никому об этом рассказать. Даже признание в этом самому себе заставляло кровь стыть в жилах, как будто глаза правосудия могли заглянуть в его сердце и увидеть таящуюся там ересь.

Только вот чьи глаза?

Означал ли этот ужас, что от его веры осталось нечто большее, чем он думал? Значит ли это, что он все-таки верил?

Эта цепочка рассуждений казалась лишь отчаянным обоснованием, цеплявшимся за тонкую соломинку теологии. Чем дальше он думал, тем менее убедительным становилось это оправдание; ужас медленно отступил, но на его место устремился прилив отчаяния.

Служба закончилась, последние отголоски песнопений прихожан растворились под сводами нефа. Сама часовня не шла в никакое сравнение с величественным собором Железного Откровения на Легитуре, чьи огромные шпили возвышались рядом с коллегией и чьи обширные пространства Цераст хорошо

изучил за годы учебы. Колоссальные статуи святых, облаченных в доспехи и неумолимых, стоявшие на пьедесталах перед колоннами, смотрели на него сверху вниз и становились свидетелями все возрастающих сомнений. Раз собор не смог укрепить его веру, то у часовни «Священной ненависти» было мало шансов.

Цераст покинул свою скамью и присоединился к толпе, выходящей из часовни. Когда он практически дошел до дверей, его нагнал Хранитель текстов Девераст.

- Увижу ли я тебя позже в библиотеке? - спросил он.

- Да, конечно, - подтвердил Цераст.

- Ах, очень хорошо, - произнес Девераст голосом, не сочетавшимся с его внешностью. Он был высоким и коренастым, с руками, которыми, кажется, можно побороть зубра. На первый взгляд он был больше похож на завсегдатая потасовок в таверне, чем на того, кто посвятил свою жизнь каталогизации и сохранению священных текстов. Внешность была обманчива. Цераст в своей жизни не знал человека добрее него, и никто из его знакомых ни разу не слышал, чтобы Девераст повышал голос. Хранитель текстов привязался к Церасту, поскольку тот регулярно посещал библиотеку. Девераст с ним вел себя по-отечески, как никогда не вел собственный отец. Родители Цераста были мелкими дворянами на Легитуре, и для них сын, поступающий на службу Адептус Министорум, был прежде всего средством повышения своего социального статуса.

- Слишком многие наши сограждане воспринимают печатное слово как нечто само собой разумеющееся, - продолжил Девераст. - Печальное следствие того, что они родились на Легитуре. И я рад, что ты не такой, сын мой.

- И никогда не стану. - Цераст удивился от запала, прозвучавшего в его обещании. Он сказал это в серьез, но все же не был уверен в том, что действительно имел в виду. Слова прозвучали так, будто бы сама длань судьбы вырвала их из души.

«Предвещает ли это что-то?»

Откуда он мог знать?

Мимолетный всплеск духовного возбуждения исчез в омуте неуверенности.

- Вдохновляющая служба, не так ли? - продолжил Девераст. И несмотря на то, что его энтузиазм был неподдельным, банальность произнесенного отбросила Цераста обратно в пучину отчаяния.

- Необычайно вдохновляюще, - сказал он, сумев в последний момент убрать сарказм из своего голоса.

Они шли по главному коридору, который тянулся по всей длине корабля от часовни до кормы. Цераст свернул в первый же увиденный им ответвляющийся коридор и попрощался с Деверастом. Ему нужно было побыть одному.

Он вернулся в свою келью. Единственным украшением комнаты служила железная аквила, раскинувшая крылья по изгибу потолка. Черный металл выделялся на фоне утилитарно-серого цвета стен и пола. Как и другие миссионеры, Цераст для своих нужд имел простые металлические стул, стол и раскладушку.

Он сел за стол и вперился взглядом в возвышающиеся неустойчивые горы книг. Он скорчил гримасу при виде них, и тщетности, которую они собой воплощали. Нет, он никогда не будет относиться к слову, как нечто самому собой разумеющемуся. Чтобы слова были ценны, они должны что-то значить. А слова в

этих книгах были пусты, составлены в ничего не значащие банальности.

Эти горы напоминали ему о Легитуре и о бессмысленных горах его родного мира. Девераст был прав. На Легитуре, проживая жизнь в окружении текстов, слишком легко воспринимать печатное слово как должное. Ведь вся производственная мощь и продукт труда его мира – священные книги и комментарии к ним. В верхних эшелонах общепланетного города в особой атмосфере Коллегии Санктификатус гордились этим фактом. Но Цераст допустил ошибку, спустившись на нижние уровни города. Он видел бесконечное, бездумное печатание томов; видел, как безграмотные писари переписывают страницы, которые они не понимают. А еще он видел горы выброшенных книг в сотни футов высотой, которые превышали потребительские и экспортные возможности планеты. Цераст все это видел и понимал, он не в состоянии подавить мысль о тщетности, даже несмотря на все свои усилия. И он видел что-то еще...

Он почувствовал, что его лишили сути существования, как если бы с него сорвали кожу. Его ответом была погоня за смыслом. Он обнаружил, что основами его веры были значение и разум, и без них все, чем он был и во что верил, начало рушиться. Охота была тщетной, и, в конце концов, преследуемый сомнениями и воспоминаниями об увиденном, он бежал с Легитурой, как только закончил учебу в коллегии. Взяв на себя роль миссионера, он чувствовал себя обманщиком. Ему удалось продемонстрировать все знания и всю способность произносить пламенные проповеди, которые ожидало его начальство в Экклезиархии. Они благоволили его стремлению распространять очищающий огонь Имперского кредо. Цераст был образцовым богословом. Он подавал большие надежды, и они верили, что видят исполнение его обещаний.

Обманщик. Лжец. Самозванец. Трус.

Бегство стало его последней надеждой. Возможно, лишь вдали от бездушных слов Легитурой он вновь обретет веру. Принося слово заблудшим культурам, руководя истреблением еретиков руками Праведных Клинков, возможно, он снова сможет стать самим собой. Он, наконец, отыщет причину и смысл и сможет залечить свои душевные раны.

Странствие давало надежду до тех пор, пока оставалось идеей, а не реальностью. «Священная ненависть» еще не достигла первого намеченного мира, а Цераст уже знал, что его надежда ложна. Сомнения только нарастали и углублялись. Он делал все что мог, чтобы сдерживать их. Часами медитировал и молился в своей келье.

«Дай мне знак, Бог-Император. Я даже не прошу веру твоих святых, а лишь веру самого жалкого раба».

Ответа не последовало, силы не вернулись. А бессмысленность вселенной становилась все более очевидной, чудовищной истиной кристальной ясности.

Когда он не стоял на коленях в своей келье, он был в библиотеке. Тот располагался в середине корабля, на одной палубе с часовней; хотя размером гораздо меньше, но все равно большое, высокое и уставленное полками вместо стеклянных мозаик помещение, мучившее его посулами мудрости и шансом обрести смысл. Ему бы только найти правильную книгу, правильный аргумент, разоблачительный оборот речи, который вернет утраченное.

Если бы.

Девераст наслаждался его компанией. Хранитель текстов возрадовался тому, что смог найти кого-то, чья одержимость исследованиями могла посоперничать с его собственной. Девераст явно восхищался

эрудированностью Цераста и считал, что они отражают глубокое понимание и точность веры.

Церасту нравился Девераст, но восхищение этого человека обжигало его словно кислота.

Молитвы, медитации и исследования только усугубляли ситуацию. Чем больше он искал смысла, тем меньше находил. Чем дольше продолжалась охота, тем тщетней она становилась.

Но какой у него имелся выбор, кроме как идти дальше? Что толку останавливаться, даже если бы он мог? И пока он не просмотрел каждый том в библиотеке, пока он не изучил все аргументы и апологии, как он мог быть уверен, что искомого ответа нет ни в одном из них?

Он не мог. Он должен продолжать пытаться. И он стремился к большему, чем полное обновление веры. Он искал ответ, ответ на то, что он видел в самых дальних глубинах под фундаментом одной из великих башен Легитура.

Он слишком хорошо понимал все, чему был свидетелем в своих изысканиях. Он точно знал, как и почему каждая картина причиняла ему боль. За одним исключением.

В далекой тьме той разрушенной крипты. Те статуи, если это были статуи – те существа, чье мимолетное лицезрение не соответствовало всему, чему его учили. Багрянец в темноте, намек на покрытую шипами злобу. Головы, которые казались извращением чего-то более знакомого. Это были вещи, которые не входили в представление о реальности, преподаваемое и насаждаемое Адептус Министорум. Статуи стали знаменем крушения его веры. Объяснение их загадки предотвратило бы крах, и структура веры бросила бы вызов притяжению сомнения и восстала бы снова, такая же совершенная, как и прежде.

Статуи придали его поискам конкретную цель и, как ему казалось, последний шанс.

Цераст провел пальцем по центральной стопке. Его ноготь мягко щелкал, переходя от корешка к корешку. Здесь нечего искать. Он просмотрел их все дважды. Следовало отнести некоторые книги обратно Деверасту.

Стул заскрежетал по полу, когда он встал. Цераст собрал полдюжины книг и повернулся, чтобы покинуть келью.

А потом он оказался на полу, окруженный книгами, в ушах звенело от необъяснимого грохота. Его конечности болели от удара при падении. Он не мог дышать. Ничто не имело смысла. На долю секунды, отстраненную и глубокую, он подумал, что бессмысленность наконец наступила для всего.

Затем он мучительно вздохнул, и келья снова содрогнулась, когда еще один взрыв потряс «Священную ненависть», а затем еще один.

Цераст выполз по качающемуся полу к дверному проему. Схватившись за него, он потянулся и смог встать на ноги. В голове начало проясняться, и он почувствовал запах дыма. Где-то справа от него в другом коридоре бушевало пламя.

Из других келий выбегали люди. Они помчались по коридору налево, и он присоединился к ним. В его бегстве не было никакой цели. Он не знал, куда направляется. Он не проходил никакой боевую подготовку. На Легитуре он рос избалованным ребенком. Свой единственный настоящий дискомфорт Цераст до сих пор испытывал лишь в уме и душе. Его тело никогда не знало ни угрозы, ни сильной боли.

В панике он побежал, поддавшись инстинкту. Он бежал туда, куда бежали остальные избалованные дети. Он бежал, чтобы обратиться подальше от огня позади него.

Вскоре спереди и по сторонам донесся звук взрывов. По коридорам за клубился густой удушливый дым. Цераст закашлял, из-за черного смога он не мог видеть дальше нескольких ярдов.

Достигнув перекрестков, он начал сворачивать наугад, будто пытаясь оторваться от преследователя. Он тяжело дышал, из глаз текли слезы, горло саднило от дыма. Цераст замедлил шаг. Поднялся ветер, завывающий и злой. Он позволил ему втолкнуть себя в проходы, где дым начал рассеиваться, но ему стало еще труднее дышать.

Наконец, замедлившись до спотыкающейся походки, Цераст понял, что оказался один в этом зале. Ветер теперь кричал на него, и он, спотыкаясь, брел в его объятиях, пока не увидел, куда его несет.

Он вышел в коридор, идущий вдоль корпуса по правому борту. Прямо перед ним массивный цилиндр пробил обшивку корабля насквозь. Пена создала недостаточную герметичность вокруг пробоины, и атмосфера корабля с визгом вырывалась в пустоту.

Цераст мало что знал о боевых машинах. Его жизнь была уединенной, а существование полностью определялось требованиями религиозной системы. Однако со временем он почерпнул кое-какие знания из бесед с бойцами Праведных Клинков. Миссионер знал, что цилиндр был передней частью абордажной торпеды.

Он остановился перед открытым носовым люком и посмотрел в пустоту за ним, тускло освещенную багровым свечением. Она казалась похожей на пещеру. Цераст чувствовал себя ничтожным перед ней; для какого гиганта это было построено? Для гигантов из легенд. Оно было построено для Ангелов Смерти Императора.

«Священная ненависть» сильно затряслась и застонала. Цераст снова услышал раскаты грома, а затем отдаленные звуки боя, его резкие раскаты и грохот, приглушенные разделяющими их перекрытиями.

Уставившись на абордажную торпеду, Цераст почувствовал леденящее прикосновение удивления, проступившее сквозь ужас. Это оборвало последние нити его паники. Он мыслил более ясно.

Он направился обратно по коридору, вновь двинувшись к центру корабля в направлении носа. Он направился на звуки битвы. Он знал, что стать миссионером означало отправиться на войну – что это означало пойти на смерть. Только вот он никогда не думал, что конец наступит скоро и так таинственно. Если Цераст погибнет сегодня, то тогда он хотел знать почему. В крайнем случае он увидит, от чьих рук примет смерть.

Он понял, что бой шел в часовне. Цераст переступил порог и затем замер, не обращая внимания на риск, замороженный зрелищем.

Часовня была объята пламенем. Изображения святых валялись разбитыми на полу вместе со статуями. «Скрипторум Ире» с золотым переплетом был сброшен с кафедры, а затем обращен в пепел. В дальнем конце часовни схлестнулись плотные ряды Праведных Клинков и бронированные гиганты из тех абордажных торпед.

Цераст уставился на битву, удивление и откровение наполнили его душу и расширились в сознании с такой силой, что его череп наверняка взорвался бы в следующий момент. Он слышал об Адептус Астартес, хотя никогда не видел их прежде. Они существовали на Легитуре в виде легенд, как реальность Имперума, зримая только в героических мозаиках, фризах и скульптурах. В какой-то момент истории Легитуря они, возможно, ходили по его поверхности, но с тех пор прошло так много тысячелетий, что история стала изношенной и потрепанной, превратившись в туманный миф.

Теперь Цераст смотрел в лицо реальности, но такой, которая шла вразрез со всем, чему его учили. Это были космические десантники в центре часовни, неумолимо шедшие навстречу Праведным Клинкам. Но они были искажениями всех образов, которые когда-либо видел Цераст. Порочные шипы и рога торчали из их багровых доспехов. С шипов свисали как цепи, так и пергамент. Цераст не мог прочитать свитки с такого расстояния, но слова, казалось, извивались на страницах, как насекомые; руны проникали мимо его зрения, чтобы вцепиться прямо в его разум. Воздух, казалось, темнел вокруг космодесантников, окруженных трупами слуг Императора. Они давили иконы своими сапогами. Их болтеры выбивали глубокий, быстрый ритм разрушения, снаряды разрывали тела солдат на части, посылая осколки костей и плоти дугой вверх к сводам.

Эти космодесантники не могли быть реальными. Они теологическая невозможность. И все же до этого Цераст уже видел их.

Погребенные статуи, едва видимые и непостижимые. Однако, то были не статуи, а броня этих созданий.

Все и одновременно ничего казалось бессмыслицей. Цераст не мог представить, как эта броня оказалась на Легитуре, как она могла оказаться погребенной и забытой. Но то, что он видел это, поразило его сейчас с силой исполнившегося пророчества. Он не мог понять смысла того, что предстало перед ним, но смысл *был*. Он искал ответ и наконец нашел его, только это не имело никакого отношения к Имперскому кредо.

Гиганты разрушили часовню. Колонны рухнули, свод раскололся, и Клинки гибли, как крысы в печи. Это была бойня, а не битва.

Предводитель Астартес-еретиков, цвет чьего багрового доспеха был темнее, чем у остальных, поднял крозиус. Глаза Цераста расширились, пытаясь бороться с видом предмета, одновременно священного и чудовищного. Громадная фигура перед ним начала петь. Цераст услышал эти слова сквозь шум битвы. Хотя он и не смог их разобрать, но узнал в них молитву. Молитву, что причиняла ему боль. Из ушей потекла кровь, и внезапная, колющая боль во лбу ошеломила его. Его губы непроизвольно шевельнулись, пытаясь вторить молитве.

Пространство вокруг главаря Астартес-предателей закричало в агонии, и искаженный свет варпа вырвался из его крозиуса. Аура корчащегося безумия окружила космодесантника, нараставшая по интенсивности, пока колдун не выбросил крозиус вперед, посылая варп-свет с визгом в сторону Праведных Клинков.

Цераст был свидетелем трансформации тел. Щупальца вылезали из грудных клеток и душили своих хозяев. Фонтаны кипящей крови вырывались из глаз. Тучи мух вылетали из кричащих ртов.

Цераст в ужасе и изумлении уставился на доказательство того, что божественность существует.

И это разбило последние остатки веры Цераста.

Освободило от оков.

Потрясенный, ликующий, в экстазе от ужаса и свободы, он рассмеялся. А затем он выбежал из часовни.

Со «Священной ненавистью» было покончено. Она не могла пережить этого нападения. Цераст умрет вместе со всеми остальными. Но он, наконец, впервые увидел что-то, что было истинным. Он мог унести это знание с собой в могилу. Сейчас проповедник просил только об одном. Пока еще не слишком поздно он должен сделать что-то, что хоть раз в жизни стало бы правдой.

Он бы помолился об этом благословении, потому что теперь он знал, что Галактика не лишена смысла. Но Цераст не знал, кому следует молиться.

Он мчался сквозь дым. Хотя послушник задыхался, благоговейный трепет и решимость придали ему скорости. Пламя с ревом вырывалось из боковых коридоров. Он смеялся над болью от жара, обжигающего плоть, желанным доказательством того, что это был не сон, что трансформация реальности была правдой. Когда он добрался до дверей либрариума, его мантия местами дымилась.

Цераст застучал по бронзовой поверхности запертых дверей. Он до крови бил кулаками по барельефу аквилы. Он кричал в отчаянии и гневе, что такое простое препятствие может помешать ему совершить свой первый значимый поступок.

С лязгом замка двери открылись. Девераст схватил Цераста за руку и втащил его внутрь, затем захлопнул двери и снова их запер.

- Сперва я даже не знал, что это ты, - сказал Девераст. Он сжал плечи Цераста, черпая утешение в его реальности. Лицо Хранителя текстов было бледным и мокрым от пота, губы дрожали.

- Ты видел врага? - спросил он.

- Да...

- Надежда есть?

- Никакой. Они перебьют Клинков. Корабль потерян...

Девераст отпустил плечи Цераста, затем поник, казалось, в отчаянии замкнувшись в себе.

- Кто они?..

- Не знаю. - Цераст решил не уточнять. Увиденное им было его личным сокровищем, и он не станет им делиться.

Девераст с трудом сглотнул, затем судорожно вздохнул.

- Тогда мы умрем мучениками, мой друг, - произнес он. - Величайшая честь достается нам раньше, чем ожидалось. - Он изобразил мимолетную храбрую улыбку и оглядел либрариум. - Погибнуть, защищая священные тексты - это большее, что я мог заслужить. Мы благословлены, Цераст. Император защищает.

Цераст никак не ответил.

Девераст подошел к стене по левому борту либрариума. И провел рукой по ряду книг.

- Мы должны погибнуть с чем-то священным в руках, ты так не думаешь?..

Палуба задрожала от череды взрывов. Удары больше не сыпались дождем на внешний корпус. Теперь они исходили из самого сердца «Священной ненависти». Цераст почувствовал, как время утекает у него сквозь пальцы. Конец приближался.

- Что-то священное, - произнес Цераст и подошел к бронзовой колонне, высотой в пять футов, что находилась в центре либрариума. Он открыл золотой реликварий, покоившийся на ней, и достал из него старейшую на корабле копию Лектицию Дивинитатус. Переплетенная кожей и железом, она был

приятно тяжела в его руках.

- О, - произнес Девераст. - Конечно. Как мы могли выбрать что-то другое? - Он вернулся обратно в центр комнаты.

Цераст размахнулся книгой так сильно, как только мог, и ударил Девераста в горло. Хруст хрящей дрожью отразился в его руках. Девераст поперхнулся, его глаза выпучились, и он упал на колени. Хранитель вцепился в горло, его рот открывался и закрывался, как у рыбы, когда он боролся за воздух, который не поступал.

Цераст поднял над головой Лектицио Дивинитатус. Девераст посмотрел на него с мольбой и непониманием. А затем Цераст впечатал книгу, вонзив железные уголки обложки в глаза Девераста, размазывая их и туша этот взгляд. Девераст упал, и Цераст лупил по его черепу, пока тот не раскололся, и мозговая масса не разлетелась по палубе.

Цераст уронил книгу и подошел к дверям, а затем распахнул их. Языки пламени лизали потолок коридора снаружи. Цераст оторвал рукава от своей мантии, свернул их и поднес тряпки к огню. Когда они загорелись, он побежал обратно в библиотеку, пробегая вдоль полок, зажигая тексты, превращая ложь в правду.

Вскоре пожар обрел свою собственную жизнь. Цераст взял Лектицио Дивинитатус и держал его открытым перед пламенем, пока книга не вспыхнула, и бросил ее на труп Девераста.

- Ну что доволен своим погребальным костром? - спросил он. - Что? - Он поднес ладонь к уху, будто пытаясь что-то услышать. - Я тебя не слышу. Неужели ты сказал, что Император защищает?

Он медленно повернулся, раскинув руки, чтобы обнять растущее пекло, глядя на уничтожение книг, которые он когда-то считал святыми.

Реликвии его старой веры умерли, и он заплакал от радости.

Цераст подошел к дверному проему, окруженный вздымающимся пламенем, и неподвижно ждал. Он больше не двигался, пока космодесантники не появились из клубящегося дыма. Лидера, которого Цераст видел в часовне, среди них не было.

Неважно. Благоговейный трепет, который он испытал, увидев этих колоссов вблизи, ничуть не уменьшился.

Он встал перед ними на колени, преклонился перед воплощениями смысла и указал на горящий библиотеку.

- Мои ужасные повелители, - произнес он. - Примите этот дар от меня и вместе с ним мою благодарность.

Охота была окончена. Он победил. Смысл для него был найден, даже если он находился за гранью его понимания. Цераст склонил голову в ожидании удара, что отправит его в небытие.

К его удивлению, космодесантники подняли его на ноги.

Они провели его по выжженным, задымленным залам «Священной ненависти». Цераст прошел еще несколько сцен резни; миссионеры, солдаты и экипаж были изрублены на куски одетыми в черное слугами космических десантников. Он видел признаки трансформации «Священной ненависти», ее

реальность заражалась и изгибалась. Сгустки чешуи торчали из арок дверных проемов. Стены дрожали от боли или вздохов. Границы между трубопроводом, корнем и веной размылись.

Цераст продолжал смотреть на свиток, свисающий с доспехов гиганта перед ним. Он мечтал о способности это прочитать, хотя и не смог избавиться от впечатления, что свиток смотрит на него в ответ.

Космодесантники посадили его в другую абордажную торпеду. Войдя в проем, он удивил самого себя, заговорив.

- Мои повелители, - произнес он, - скажите, кто вы такие?

Ужасающие шлемы повернулись друг к другу. Какими взглядами они обменивались? Презрительными? Веселыми? Или же там было одобрение?

- Мы воинство Восьмеричной Погибели, - один из них произнес это глубоким, наполненным старыми знаниями голосом. - Сыны примарха Лоргара.

Цераст читал про девятерых примархов, но ему было не известно о ком говорил космодесантник. Его душа затрепетала, услышав это имя.

Абордажная торпеда, развернувшись, вышла из поврежденного корпуса. Скорчившись в задней части темного отсека, Цераст никак не мог разглядеть, куда они направляются. Он почувствовал приближение за мгновение до того, как торпеду тряхнуло от тяжелого лязга механических рычагов, втягивающих ее обратно в отсек.

К нему повернулся один из шлемов, а затем склонился набок.

- Теперь ты на борту ударного крейсера «Пламя прозрения». Вне досягаемости рабов Ложного Императора и во власти Несущих Слово.

Ложный Император. Невообразимый оборот речи, к тому же произнесенный с убежденностью в неоспоримой истине.

Истину, которую, как уже знал Цераст, он принял. Два слова, составленные вместе, ответившие на многие его сомнения.

Люк открылся, и Несущие Слово провели его внутрь корабля.

Открывшиеся виды ошеломили органы чувств. Они сломали его, раскололи на части оставшегося одаренного ученика Коллегии Санктификатус. Путешествие, которое позже будет считать своим настоящим паломничеством, он пережил по частям. Цераст двигался сквозь тьму, освещенную меняющимися, скользящими цветами, которые его разум интерпретировал как глубокие, зловещие оттенки красного.

Нервюры высоких сводов корабля были из сегментированной кости. Какие-то существа трепетали, скрежетали и ползали по богато украшенным карнизам. Лица смотрели сверху вниз на Цераста, дряхлые в одно мгновение, молодежавые в следующее; человеческие, а затем нет; присутствующие, а затем отсутствующие, появляющиеся и исчезающие из реальности. Детский смех коснулся его уха, затем умчался прочь. Крики, человеческие и полные агонии, раздавались вдалеке. Хотя он знал, что их мольбы вскоре могут стать его собственными, Цераст не испытывал жалости.

Его путешествие закончилось в помещении гораздо более просторном, чем часовня «Священной ненависти». Со всех сторон вокруг него простиралась бесконечная темнота. Нечеловеческие глотки пели в ночи, и пламя из-за пределов реальности вырывалось из воздуха подобно змеиным языкам.

Несущие Слово привели Цераста к огромному алтарю. Высеченный из черного мрамора, отделанный медью и костью, он представлял собой создание застывшей агонии, возвышавшееся до восьмиконечной звезды ста футов в диаметре. Кожа человеческих шкур, из которых каким-то образом все еще сочилась кровь, покрывала огромный трон под алтарем. На нем восседал лидер Несущих Слово, его шлем теперь был снят. Цераст посмотрел на бледное, клыкастое лицо и упал на колени.

- Бог... - прошептал Цераст.

- Нет. - В этом единственном слове Цераст услышал рокот более истинного и несомненного знания, чем все, что было произнесено его наставниками за все годы его пребывания в коллегии. - Я Эврибий, темный апостол Восьмеричной Погибели. Я не бог, но их вестник. Вселенная принадлежит им. Все сущее подчиняется их замыслу, и мы призваны радоваться исступленной жестокости их власти.

Эврибий наклонился вперед.

- Я слышал о том, что ты сделал в библиотеке. И считаю, что ты устал от лжи. Я уверен, что ты хочешь служить истине.

- Да, - произнес Цераст. - *Да!*

«Преобрази меня,

И преобрази голос мой.

Услышавшие слова мои, да падут на колени в благоговейном страхе,

И сделай силой меня, преображающей мира».

С течением времени и виражами судьбы, когда он наконец стал готов, когда его молитвы действительно были услышаны, Цераст вернулся на Легитур.

Он пришел, чтобы поставить на колени иррациональное поклонение Ложному Императору. Он пришел с убеждением, достаточно сильным, чтобы положить конец лжи. Он пришел преображенным.

Он пришел как темный апостол.

Источник —

[https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Священная_ненависть/_Sacred_Hate_\(рассказ\)&oldid=22873](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Священная_ненависть/_Sacred_Hate_(рассказ)&oldid=22873)

Эта страница в последний раз была отредактирована 21 мая 2023 в 19:37.